

Японские исследования. 2019. №1. С. 6–19.

Japanese Studies in Russia, 2019, 1, pp. 6–19.

DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10001

Интерпретация понятия *укиё* в «Повести о зыбком мире» («Укиё моногатари», 1665 г.) писателя Асаи Рёи

С.А. Пасивкина

Аннотация. Статья посвящена вопросу изменений в интерпретации понятия *укиё* («зыбкий мир») на примере памятника «Укиё моногатари» («Повесть о зыбком мире», 1665 г.). *Укиё* – важная эстетическая категория культуры эпохи Токугава. Она находит отражение в литературе, театральном и изобразительном искусстве этого времени. «Зыбкий мир» удовольствий, который, прежде всего, был связан с театральными и весёлыми кварталами, стал отражением новой городской культуры. Такая интерпретация получила распространение вместе с началом эпохи Токугава, когда после продолжительных военных конфликтов наступила политическая и экономическая стабильность. Прежде понятие *укиё* несло другой смысл. Оно воспринималось как скорбный мир, полный непостоянства. На точную трактовку слова *укиё* оказывает влияние способ иероглифической записи.

В статье анализируется понятие *укиё* с точки зрения структуры слова, его характера и развития. Также рассматриваются два основных толкования: «бранный мир» и «зыбкий мир». Для этого было специально рассмотрено сочинение «Укиё моногатари». В первой главе памятника, ключевого для понимания мировоззрения середины XVII века, автор Асаи Рёи (ок. 1612–1691) указывает на сосуществование двух разных по характеру трактовок. Писатель одним из первых поднял вопрос о новой интерпретации понятия *укиё*. В «Повести о зыбком мире», вслед за рассуждением о характере слова, Асаи Рёи изобразил жизнь героя Хётаро (в монашестве Укиё-бо). Из этого описания складывается впечатление, что книга представляет собой рассказ о беззаботных скитаниях гуляки, который теряет состояние за азартными играми и проводит всё своё время с куртизанками, – яркая картина мира наслаждений *укиё*. Однако характер «Повести» меняется по ходу развития сюжета: в соответствии с основной мыслью эпохи герой начинает давать конфуцианские наставления.

В статье основное внимание уделяется ранним весёлым похождениям героя, понятие *укиё* рассматривается на примере глав из первого и второго свитков. Для иллюстрации приводится перевод отдельных отрывков «Повести о зыбком мире» на русский язык.

Ключевые слова: *укиё*, «зыбкий мир», «Укиё моногатари», «Повесть о зыбком мире», Асаи Рёи, эпоха Токугава (1603–1867).

Автор: Пасивкина София Антоновна, приглашённый преподаватель Школы востоковедения НИУ ВШЭ, магистрант Института восточных культур и античности РГГУ.

E-mail: sapasivkina@gmail.com

The interpretation of the notion of *ukiyo* in “*Ukiyo-monogatari*” (1665) by Asai Ryoï

S.A. Pasivkina

Abstract. The article is dedicated to the problem of changes in the interpretation of the concept of *ukiyo* (a ‘floating world’), as exemplified by “*Ukiyo-monogatari*” (1665). *Ukiyo* is an important aesthetic category of the culture of Edo Japan. It was expressed in literature, theater, and visual arts. The idea of a ‘floating world’ full of joy and delight marked the life of theater and pleasure districts in Tokyo, Kyoto, Osaka. It became the reflection of a new urban culture. This interpretation became widespread with the beginning of the Edo period, when political and economic stability came after a prolonged period of internal conflicts. Before Edo, *ukiyo* was mostly known as a changing “world full of sorrow”. The exact understanding of *ukiyo* depends on the way the word is written.

This article examines the notion of *ukiyo* from the perspective of its structure, nature, and development. The two main interpretations, a ‘sorrowful world’ and a ‘floating world’, are discussed. “*Ukiyo monogatari*” by Asai Ryoï (1612–1691) is used as an example. In the first chapter, Asai Ryoï states the two different ways of perceiving *ukiyo*: as a ‘sorrowful world’ and as a ‘floating world’. This part of the text is followed by the story of the book’s main character’s life. Hyotaro (*Ukiyo-bo* as a monk) seems to be a careless idler who enjoys gambling and spending time and money in pleasure districts – a very common picture of *ukiyo* life. However, suddenly the nature of the text changes and Hyotaro starts to sermonize as a Confucian scholar.

This article mostly examines the early joyful adventures of Hyotaro through the opening chapters of “*Ukiyo monogatari*”. It concludes with the selected parts of “*Ukiyo-monogatari*” translated into Russian.

Keywords: *ukiyo*, ‘floating world’, “*Ukiyo-monogatari*”, Asai Ryoï, Edo Japan.

Author: Pasivkina Sofia A., visiting scholar at the School of Asian Studies of the Higher School of Economics, graduate student (master degree) of the Institute for Oriental and Classical Studies of the Russian State University for the Humanities. E-mail: sapasivkina@gmail.com

Укиё 浮世 («зыбкий мир») – широко известное эстетическое понятие. С XVII века оно используется как компонент названия японских гравюр *укиё-э* 浮世絵 («картины плывущего мира», «картины зыбкого мира»). Позже стало обозначать группу текстов *укиё-дзо:си* 浮世草子 («записи зыбкого мира»). Благодаря гравюре и литературе в массовом сознании *укиё* ассоциируется с миром наслаждений, который можно найти в двух *акусё* 悪所 («пагубных местах»): театральном и «весёлом» кварталах. Литература, театр, изобразительное искусство – понятие *укиё* встречается во многих сферах японской культуры эпохи Токугава, следовательно, его можно считать одной из основных эстетических категорий японского мировоззрения того времени.

Понятие *укиё* состоит из двух смысловых компонентов: слова *ё* 世 («мир») и определения к нему – *уки*. Эта вторая часть записывается тремя разными способами: знаками азбуки *кана* うき, иероглифом 憂 со значением «печальный» и иероглифом 浮 – «плывущий, зыбкий». На выбор варианта записи тем или иным способом и понимание этого слова оказывали влияние главенствующие идеи соответствующей исторической эпохи.

Слово *ě* 世 («мир») обладает давней историей. На протяжении долгого времени оно было тесно связано с буддизмом и использовалось для обозначения мира не как физического пространства, а как тесного слияния пространства и времени [Горегляд В.Н., 1975, с. 161].

Постепенно это слово стало всё больше ассоциироваться с настоящим временем, а именно с миром, полным «страданий, желаний, непостоянства» [Горегляд В.Н., 1975, с. 161]. Такой мир казался людям временным, ненадежным пристанищем перед достижением просветления. На этом фоне появились такие определения, как «непостоянный мир» つねなき世 (яп. *цунэнаки-ё*), «неустойчивый мир» 定めなき世 (яп. *садамэнаки-ё*), «бранный мир» うきよ (яп. *уки-ё*).

Нет точных сведений о том, когда слово *укиё* вошло в активное употребление, однако к началу X века оно уже было известно. Одно из первых упоминаний встречается в дане № 81¹ «Исэ-моноготари». В первой императорской поэтической антологии «Кокинвакасю:» 古今和歌集 («Собрание старых и новых песен Японии», X век) сочетание *укиё* используется пять раз (№№ 164, 842, 953, 960, 964). Более того, поскольку считается, что стихи этой антологии выбирались из массы текстов, созданных после самой первой японской антологии «Манъёсю:» 万葉集 («Собрание мириад листьев», VII в.), то некоторые из них могут относиться ко времени до составления «Исэ-моноготари» и понятие *укиё* могло возникнуть еще раньше [Хасимото, 1975, с. 43].

После слово *укиё* встречается во многих памятниках эпохи Хэйан (794–1185): дневниках «Кагэро: никки» 蜻蛉日記 («Дневник эфемерной жизни», XI век), «Сарасина никки» 更級日記 («Одинокая Луна в Сарасина», XI век), *дзуйхицу* «Макура-но со:си» 枕草子 («Записки у изголовья», XI век), романе «Гэндзи моноготари» 源氏物語 («Повесть о Гэндзи», XI век) [Найто, 2017, с. 43–50]. *Укиё* в значении «бранный мир» появляется в поэзии Сайгё (1118–1190) и военном эпосе *гунки* «Хэйкэ-моноготари» 平家物語 («Повесть о доме Тайра», XIII век).

В период Муромати (1392–1568) характер понятия *укиё* изменяется [Найто, 2017, с. 59]. Оно чаще записывается как 浮世: комбинация существительного *ё* «мир» и глагола *уку* 浮く «проплывать». Две формы записи постепенно смешиваются, а интерпретация со значением «зыбкий мир» выходит на первый план.

В начале периода Токугава, когда уже установился мир, но ещё живо чувствовалось наследие предыдущей беспокойной эпохи, категория *укиё* приобрела новые черты. *Укиё* стало восприниматься более юмористически, как зыбкий, уплывающий из рук мир, который невозможно подчинить своей воле, но которому можно поддаться и нестись по его течению, подобно тыкве-горлянке. Городская культура периода Токугава в целом была смеховой, пародийной, гротескной. Смех, в том числе над этим эфемерным, непостоянным миром, оказался важной составляющей повседневной жизни горожанина.

В 1665 г. Асаи Рёи 浅井了意 опубликовал сочинение «Укиё моноготари» 浮世物語 («Повесть о зыбком мире»). Кроме того, что понятие *укиё* вынесено в заглавие сочинения, рассуждение о его сущности открывает и основную часть текста. «Повесть» начинается с широко известного диалога о том, что такое *укиё*. Автор указывает, что категория несёт

¹ В японской и европейской традиции № 82.

в себе два значения: бранный мир 憂世, неподвластный воле человека, и мир зыбкий, изменчивый 浮世, в котором следует жить, наслаждаясь моментом.

Асаи Рёи родился в местечке Мисимаэ уезда Симаками провинции Сэцу (совр. г. Катацуки, преф. Осака). Его отец был монахом течения Отани Истинной Школы Чистой земли 浄土真宗大谷派 (яп. Дзё:до синсю: О:тани-ха). Он служил в храме Хонсё:дзи 本照寺 (г. Осака), который находился под покровительством храма Хигаси Хонгандзи 東本願寺 (г. Киото). Однако отец Асаи Рёи был вынужден оставить служение. Мацуда Осаму указывает на конфликт его младшего брата с монахом Кё:нё 教如 (1558–1614), двенадцатым настоятелем храма Хигаси Хонгандзи, как на возможную причину гонений². Отец Асаи Рёи был сослан из Хонсё:дзи, у него отобрали земли [Мацуда], расстригли из монахов, после чего он вёл мирскую жизнь в Киото. Сам Асаи тоже стал ронином, а с конца 1650-х годов взялся за писательство [Эдо дзидай дзиммэй ко 1000, 2007, с. 12].

В период с 1658 по 1673 г. Асаи Рёи написал много текстов. Первым опубликованным сочинением стали «Каннинки» 堪忍記 («Записи и снисходительности», 1659 г.). Всего же в полном собрании сочинений Асаи Рёи 52 произведения³. Исходя из такого большого количества, можно сделать вывод о том, что Асаи был профессиональным писателем. «Укиё моногатари» – одно из наиболее известных его сочинений.

Считается, что «Повесть о зыбком мире» стала первым произведением массовой литературы, в котором чётко обозначается изменение в интерпретации понятия *укиё* и критикуется более раннее понимание («бранный мир»). Основываясь на первых главах «Повести о зыбком мире», японские исследователи литературы эпохи Токугава Мацуда Осаму и Маэда Кингоро делают вывод, что Асаи Рёи утверждает переход в понимании понятия *укиё* от бранныго и превратного мира к зыбкому и изменчивому [Мацумото, 2012, с. 111–112]. Действительно, «зыбкий мир» в произведении Асаи Рёи уходит от бранныости и эфемерности, каким его воспринимали во времена Древности и Средневековья. Однако важно отметить, что это еще не *укиё* как выражение мира наслаждений. Это мир уплывающий, ускользающий от точного определения и интерпретации.

В первых двух свитках подробно описывается жизнь героя в среде городских наслаждений. С рождения до принятия пострига под именем Укиё-бо – Монах зыбкого мира, он предстаёт перед читателем повесой и невеждой, растратившим состояние отца на азартные игры и развлечение с куртизанками в весёлом квартале. Разорившись, герой вынужден стать монахом, ведь так он может ходить паломником по разным местам, читать проповеди и собирать милостыню.

Однако по ходу повествования наставления Укиё-бо становятся всё более критическими по отношению к современным нравам. В проповедях он высмеивает неумелых самураев, обманщиков и воров, щёголей и голубятников (в контексте «Повести о зыбком мире» шарлатанов разных профессий). Монах обращается к китайским текстам, показывает себя

---

² К началу XVII века Школа Чистой земли обрела большое политическое влияние, контролировала много земель и собрала собственные отряды для защиты территорий и храмов. Военные кланы, в частности, дом Токугава, хотели ограничить власть монахов. Отношения между воинами и духовниками накалились и переросли в открытие боевые столкновения. В это время дядя Асаи Рёи выступил против монаха Кё:нё и перешел на сторону Токугава, за что и поплатился отец писателя вместе с семьёй.

³ Полное собрание сочинений Асаи Рёи (浅井了意全集. 全 19 冊) начали публиковать с 2007 г. в издательстве Иватани Сёин 岩田書院. Подробнее о проекте см. [Асаи Рё:и дзэнсю: канко:кай хэн].

образованным и сведущим в самых разных вопросах: устройство мира, учение о Пути, отношения господина и вассала, семья, хозяйство, праведное служение и верность, сдержанность и скромность. Критика и дидактика выходят на первый план по сравнению с описанием весёлой жизни горожан.

Тем не менее «Повесть о зыбком мире» открыто ставит вопрос о сути понятия *укиё*. Асаи Рёи приводит две точки зрения на интерпретацию этой категории и показывает, что с начала эпохи Токугава право на определение эстетического восприятия пространства и времени постепенно переходит к горожанам, ищущим наслаждения в самых простых, обыденных вещах. Если рассматривать понятие *укиё* в перспективе, становится ясно, что оно прошло долгий путь интерпретации от брэнного мира страданий до зыбкого мира наслаждений, а затем и вовсе стало обозначать простую обыденность.

Перевод и комментарий «Повести о зыбком мире» осуществлен по изданию «Собрание кана-дзо:си» [Канадзо:сисю:, 2009, с. 85–224] серии «Новое издание полного собрания сочинений японской классической литературы». Первые главы отражают «зыбкий мир», в котором главный герой «Укиё моногатари» оказался в юности. Последний из приведенных отрывков (свиток 2, глава 9) считается переломным для характера повествования.

ПОВЕСТЬ О ЗЫБКОВОМ МИРЕ

(отрывки)

Свиток 1

1. О том, что такое *укиё*⁴

«С давних пор все люди: знатные и простые, мужчины и женщины, старые и молодые, – вторят этой песне о нравах государства:

Как странно:
Сердце мне принадлежит,
А всё же не моё...⁵

Повторяют и такое:

Чаемое мной
Никак не воплотится.
Вот он, брэнный мир...

Что бы ни замыслил, никак оно не осуществится, не идёт, как хочется, поэтому мир называют брэнным. Вот говорят, „чесать ногу через сапог“⁶, а это подобно тому как рука не

⁴ *Укиё* うき世 – понятие, обозначающее брэнность или зыбкость мира. В период Токугава (1603–1867) велась дискуссия о том, как трактовать *укиё*. Понятие записывали по-разному – азбукой うき世 и иероглифами: 憂世 («брэнный мир») и 浮世 («зыбкий мир»).

⁵ Асаи Рёи цитирует популярное стихотворение эпохи Мэйрэки 明暦 (1655–1658).

⁶ Китайская поговорка 隔靴搔痒.

достаёт до места, где зудит: кажется, вот-вот дотянешься, да не получается, это, и правда, раздражает; собственное тело и сердце не поддаются воле, а это странно. Да и ни одно из мирских дел не подходит тебе по духу. Вот почему мы называем наш бранный мир *укиё*», – когда так говорят, иные отвечают: «Нет, не в этом суть. Раз уж живешь в этом мире, что бы тебя ни занимало, видишь и слышишь в нём и доброе, и злое – и всё это интересно; впереди нас мрак, и на один *сун*⁷ не видно, да и беспокоиться о будущем стоит не больше, чем о тыквенной корке, от всяких переживаний может и живот разболеться. Всему своё место. Обратившись лицом к луне, снегу, цветущей сакуре и красным кленовым листьям, слагать о них песни, пить сакэ, плыть по течению жизни и веселиться, не мучиться, если растратил всё золото и серебро, с лёгким сердцем, будто тыква-горлянка, пуститься по воде – вот что называют *укиё* – зыбкий мир». Услышал это понимающий человек и почувствовал: «И правда так».

2. О том, как Укиё-бо вырос

В давние времена жил Укиё-бо, беззаботный монах, подхваченный течением жизни. Говорили так: «Что до его происхождения, то он потомок Фудзивара⁸, поскольку с детских лет распускал сопли, словно цветы глицинии». Иные говаривали: «С малых лет он играл в догонялки и прятки, дневал и ночевал под коньками чужих крыш, ну разве не Татибана⁹?» Или: «Так ведь он жил у самых ворот, может быть, он из рода Тайра¹⁰?» «Ну нет, раз он так любит сладкие бобовые пирожки *мандзю*, то, должно быть, Минамото¹¹», – люди разное болтали. Между тем его отец служил тут и там, был самураем низкого звания, но поскольку хитрил и заискивал на сотню ладов, то, подольстившись к хозяину, он возвысился, и, видно, брал себе по положению горы даров. Из жадности он всё больше громоздил их, и ни в золоте, ни в серебре, ни в чём ином нужды не имел. Как-то раз, отправляясь на поле битвы, он, как и все, снаряжился, сел на коня и выехал, да только был он величайшим трусом в своей стране, поэтому вскоре и поясницу у него заломило, и на задницу он сесть не мог; разлёгся в седле и, вцепившись в него, ехал; незнающий человек мог бы подумать, что это предосторожность, чтобы шлем не пробило, да только, попав под огонь, тот так испугался, что быстрее всех сбежал, и больше уже не общался с бывшими товарищами, а стал горожанином; поскольку в прежние дни он накопил много золота и серебра, то прослыл богачом и затворился в своём доме. В это время у него родился сын. Ребёнок с седьмой ночи после рождения не переставал плакать по ночам. Люди рассказывали: «В древности госпожа Гион родила Великого

⁷ Сун 寸 – мера длины, приблизительно равная 3,03 см.

⁸ Род Фудзивара 藤原氏 – влиятельный знатный род в древней Японии. Автор высмеивает героя, сравнивая его болезненность и сопливость со свисающими цветами глицинии, которые по-японски называют *фудзи* 藤.

⁹ Род Татибана 橘氏 – аристократический род в древней Японии. Иероглиф 橘 обозначает дерево мандарина. Мандарин часто сажали близко к дому, поэтому, когда он вырастал, его верхушка достигала карниза. Мандарин считался символом вечности благодаря многочисленным косточкам, из которых со временем вырастали новые деревья.

¹⁰ Род Тайра 平氏 – знатный род, оказывавший влияние на политику в IX–XII веках. Тайра-но Норимори (1128–1185), младший брат Тайра-но Киёмори (1118–1181), жил в Киото у главных ворот поместья старшего брата Рокухара, за что его прозвали «средний советник у ворот» 門脇中納言.

¹¹ Род Минамото 源氏 – влиятельный аристократический род, захвативший власть на период с конца XII по XIV век. Отсылка к военному Тада-но Мандзю (913–997), происходил из рода Гэндзи 源氏, иначе Минамото.

полководца Тайра-но Киёмори, и он был сыном главы Судебного ведомства Тайра-но Тадамори. Но поговаривали, что на самом деле он был ребёнком государя-инока Тоба¹². Между тем Киёмори с рождения плакал по ночам, и Тадамори попросил совета у императора. В ответ его величество написал своей рукой:

Станет плакать по ночам,
Позаботься о нём,
И в век конца Закона
Он сохранит чистоту
И процветание...¹³

Тадамори стал нянчить ребёнка, и ночной плач прекратился. По песне про „чистоту и процветание“ и нарекли Киёмори¹⁴. Кто-то говаривал, что если записать этот стих и положить под циновку ребёнку, который плачет по ночам, то плач прекратится, будто от заклинания», – и так, когда отец Укиё-бо записал и положил под циновку, плач тут же прекратился. Однако Укиё-бо был болен ещё в утробе матери, оттого у него на голове появились нарывы, как горшок на голове у Хатикадзуки¹⁵, да так много их выскочило, что даже глаза загноились, но когда лекари Амаго и Сатакэ дали ему слабительное, он вскоре излечился. Правда, были у него и припадки и несварение, поэтому мальчик рос хилым, но стали давать ему красных лягушек, осьминогов и много всяких других средств, он и окреп, поэтому оспу и корь перенёс неожиданно легко. А поскольку ему прижигали моксой спину и шею, он стал здоров, как чёрт. Отец решил, что в будущем сын станет бродячим самураем, поэтому с малых лет заставлял его изучать искусство фехтования мечом, борьбы, стратегию и другие воинские дисциплины, хотел немного обучить и чтению, поэтому отправил в школу при монастыре упражняться в каллиграфии, но мальчик совсем не преуспел в этих делах. Так проходили годы, отец его умер. С тех пор стал малый себе на уме, беспокойно носился туда-сюда, ловил птиц, удил рыбу, разгуливал повсюду, словно его по волнам носило – изменчивый человек.

4. Разные мысли об азартных играх

В давние времена Хётаро был одурманен азартом, ни кусочка в рот не брал, клевал носом то ли во сне, то ли наяву, думал только о себе, и ни с того ни с сего на всех раздражался, возвращаясь домой, он так громко кричал о своих небывалых победах, что однажды пришёл к нему квартальный и стал предостерегать и наставлять: «Нынче по всей Поднебесной, и в столице, и в деревнях, – запрещают играть в азартные игры¹⁶. Если бы ты изо дня в день не тратил все силы, беспокоясь об игре, а сосредоточенно практиковал *дзэн*,

¹² Асаи Рёи допустил ошибку. В тексте «Хэйкэ-моноготари» («Сказание о доме Тайра», XIII века) возможным отцом Киёмори назван император Сиракава (свиток 6, дан 9).

¹³ Стихотворение встречается в «Хэйкэ-моноготари» (свиток 6, дан 9): Плачет младенец, // Спать не даёт по ночам – // Будь же усерден, // Ибо чаду мы предвещаем // Беспремерное процветанье! (в пер. И.Л. Львовой).

¹⁴ Имя Киёмори состоит из двух иероглифов 清 «чистый» и 盛 «процветание». Тайра-но Киёмори стал влиятельным военным чиновником.

¹⁵ Хатикадзуки – героиня средневекового сказа *отоги-дзоси*, у которой с детства был горшок на голове.

¹⁶ Первый указ о запрете азартных игр вышел в 1648 г. и с тех пор регулярно обновлялся.

то вскоре обрёл бы просветление и сравнялся бы с шестым патриархом Хуэйэнэном¹⁷. А если бы думал не о правилах игры, а о стратегии, то превзошёл бы У Цзы¹⁸ и Сунь Цзы¹⁹, а там бы сошёл и за нового Кусуноки Масасигэ²⁰. В общем, если то усердие, что ночью и днём ты впустую тратишь на игру, ты б пустил на учение, то сравнялся бы мудростью с Чжу Си²¹ и Чэн Хао²² и в свете оставил бы по себе имя добродетельного человека. Если бы ты занялся врачеванием или изготовлением лекарств, то и Дунъюаня²³ и Даньси²⁴ в этом превзошел. Вот если бы мольбы о числе очков в *момидзай* и удачной карте в «восьмерке» и «девятке» ты заменил на *нэмбуцу*²⁵, тогда, должно быть, уже при жизни ты излучал бы яркий свет и вымолил пришествие Будды Амида. А ты тратишь силы на бесполезные дела, и так бесцельно пролетают дни и месяцы. Это и есть суть воровство. Ведь даже если ты достигнешь совершенства во множестве искусств, займёшь высокое положение, но будешь играть, вскоре люди начнут тебя презирать и поносить. Игра – дело безнравственное и легкомысленное, и даже самые смелые мастера военных искусств во время игры раздражаются и теряют решимость. И распоряжение властей есть. И тебя это касается, брось ты наконец играть-то. Если не оставишь это дело, придётся мне доложить», – пока он так говорил, Хётаро слушал, а после ответил: «Коли вам не нравится, что вздымаются пузыри по кипящей воде, так не стоит подкладывать дрова. Чем запружать воду по течению, следует самый исток загородить. Чем запрещать азартные игры, лучше уж прекратить изготовление костей и игральных карт. А чем говорить: „Не играйте!“ – лучше уж скажите: „Сколько хотите играйте, а проигравших – под суд, с победителей – деньги“, – когда так будет: и выиграешь, а ничего не поделаешь. Всю душу вложишь, а ничего не получишь, и тогда все один за другим побросают игру. Когда играешь и побеждаешь, то получаешь доход, так разве игра – это не работа?» – когда он такое сказал, староста взбесился: «Чем беспричинно критиковать указы правителя, за собой бы лучше смотрел. Чем последние деньги на эту безделицу – на игру – пускать, лучше б обучился делу какому, занялся торговлей. Если до тебя никак не доходит, так и иди свой зуд унимать», – пошумел-пошумел, да и отправился восвояси.

6. Разные мысли об увлечении куртизанками

В давние времена Хётаро предался с головой страсти, зачастил в Симабара, забросил свой дом, покидал его без раздумий; на улице ловил паланкин, запрыгивал в него, спускался по Омия²⁶ и ехал по дороге Тамба до входа в Симабара, там он слезал, надвигал на глаза соломенную шляпу, проходил через Эмон-хаба, Уваса-мати и попадал в Агэя-мати, наконец

¹⁷ Хуэйэнэн 慧能 (638–713) – шестой патриарх буддийской школы Чань (*яп.* Дзэн 禪宗), автор «Сутры помоста шестого патриарха», сторонник идеи внезапного просветления.

¹⁸ У Цзы 吳子 (ок. 440–381 гг. до н.э.) – китайский полководец, автор трактата «У-цзы».

¹⁹ Сунь Цзы 孫子 (VI–V века до н.э.) – китайский военный стратег, автор трактата «Искусство войны».

²⁰ Кусуноки Масасигэ 楠木正成 (1294–1336) – средневековый воин, образец верного слуги императорского рода.

²¹ Чжу Си 朱子 (1130–1200) – философ династии Сун, известен как интерпретатор наследия Конфуция.

²² Чэн Хао 程顥 (1032–1085) – философ, стоявший у истоков неоконфуцианства.

²³ Дунъюань 東垣 (1180–1251) – прозвище искусного врача Ли Гао 李杲.

²⁴ Даньси 丹溪 (1281–1358) – прозвище медика Чжу Чжэньхэна 朱震亨.

²⁵ Нэмбуцу – мантра, священный текст, возглашаемый буддистами во спасение души.

²⁶ Омия дори 大宮通り – центральная улица Киото, которая идёт с севера на юг. «Спускаться» – ехать на юг.

он поднимался на второй этаж одного из домиков и там весь день проводил с давно знакомой куртизанкой; порой они начинали браниться, она часто отказывала, а он придумывал, как бы объездить эту кобылу; иногда она говорила ему: «И в будущем рождении», – и тогда под бой барабанов он задирает нос и грохотал своим смехом; поскольку он продолжал приходить каждый день, золото и серебро текли из его карманов, словно вода, – всё, что накопил его отец, он без сожаления растратил и вынес из дома; вот и предался он с головой развлечениям и перестал обращать внимание на людскую молву, стал подворачивать рукава, высоко подтыкал подол, подвязывался широким поясом сзади; из его лакированных ножен для короткого кинжала блестела золотая гарда, а в его носки-*таби* со шнуровкой были вплетены пуговицы, и когда он выходил из дома, сандалии скрипели; голова выбрита полумесяцем в стиле *сакаяки* до основания ушей, тонкие баки, подкрученные усики – в глубоко надвинутой соломенной шляпе – невозможно сказать, хорош он собой или плох, ясно только, что первый парень на деревне. Родне и близким было горько на него смотреть, и они украдкой делились с ним своими мыслями: «Мы прослышали, куда ты в последнее время зачастил – в Симабара?! Нехорошо соваться в такое непристойное место. Издавна куртизанки следили за собой, наряжались, открыто показывали свою страсть, и естественно сердце к ним располагалось и глубоко проникалось чувством. Их ивовые волосы мягки, черты лица прелестны, как лепестки, цвет бровей, словно у верхушек зелёных деревьев в дальних горах. Алые улыбающиеся губки словно только-только раскрывшаяся мальва, зубки белые, точно снег. Руки и ноги тонки, будто китайская гвоздика, оплетающая изгородь. Фигура изящна, будто соткана из нитей; наполняя всё вокруг себя небесным ароматом, они с достоинством выходят, и диву даёшься, не явился ли тебе живой Будда Амида Нёрай; если такую поставить рядом с женой, то своя покажется передержанной в соли августовской скумбрией. Своей-то наелся досыта, а ту никак забыть не может; уходит из дома и встречается с ней, она ему говорит глухим голосом, словно первый весенний соловей поет: „Снова изволили прийти? Вы бы чаще заглядывали!“ – эти слова так добры, что ни одно монашеское наставление их не превзойдёт; подойдёт к ней ближе и заговорит – она хоть и приветлива, а всё ж отстраняется, вроде, смущена, а весело подзовёт его, притянет к себе *сямисэн*, и раздастся – *тэцурунтэн* – треньканье струн от плектра; и слов не надо – опасный это звук, клиент от него скоро босяком станет. Если она возвысит голос и затянет песню, сердце возрадуется и от её пения придёт в иступление; скажет: „Завтра станем пылью мирской. Что бы там ни было, а наш *укиё*, зыбкий мир, – всего лишь сон. Кости побелеют и не познают роскоши. Именно это и есть жизнь. Наполните эту чашу вином“, – и руками, похожими на коленца бамбука, протянет чашу: „Ещё глоток“, – а он не может больше терпеть, пускается по течению чувств и распутывает её одежды. Жил, значит, какой-то там по счёту Дзюро²⁷ из рода Камэя, и был он так богат, что мог себе позволить увлечься куртизанкой, но его жена ревновала: „Так, может, и мне куртизанку выкупим?“ – и супруги каждую ночь призывали двух куртизанок высшего ранга, а для развлечения собирали вместе *ханья*, *какои*, *годзэ*, *дзато*²⁸, и песни гремели, а деньги текли без меры; поговаривают, что теперь тот господин, как его там, Дзюро в столице уже не живёт, отправился в Нагасаки и работает поденщиком.

²⁷ «Дзюро» значит десятый сын.

²⁸ *Ханья* 半夜 – куртизанка, работающая только днём или только ночью. *Какои* 囲 – куртизанка третьего ранга. *Годзэ* 御前 – слепые женщины, играющие на бива или сямисэн. *Дзато* 座頭 – слепые монахи, которые сопровождали куртизанок, играли на инструментах и пели.

Что в древности бывали, так и сейчас встречаются такие заблудшие: они либо убивают куртизанку и себя, либо сбегают с ней, а после их находят и казнят. У некоего Ёсино-я отобрали всё, даже дом. Кроме всего прочего, кто истратится на развлечения с куртизанками, на того надевают бочку; кто сворует – тот лишится головы, – и таких примеров не счесть. Хорошо это не кончается. Когда иссякают золото и серебро, они продают дорогую утварь, а в конце концов и дом проматывают; из одежды у них летнее кимоно цвета хурмы и однослойная бумажная накидка, на иных и смотреть никто не хочет, так и с тобой будет. Одумайся!» – говорили ему. Хётаро слушал и отвечал: «Благодарю вас за беспокойство. Впредь ни за что не пойду туда», – наобещает с три короба, отправит по домам старших, и на своих двоих снова направится в Симабара; так он в конце концов истратил всё своё наследство, и как напевал *сямисэн – тэцурунтэн* – остался без гроша.

7. О том, как Хётаро стал самураем на побегушках

В давние времена, хоть и осталось на Хётаро лишь однослойное кимоно, а он всё не успокаивался: придет в Симабара, заявится в домик для свиданий, позовёт свою куртизанку, – да только теперь ему не отвечают, встреч не допускают, а прислужницы и хозяйки делают вид, что вовсе его не знают. Поскольку в домиках его не признавали и были неприветливы, он злился, да ничего не мог поделать. Никакого занятия у него не было, дом он продал, вот и пришла ему мысль: «А хоть бы и самураем стать, хотел бы я послужить при хозяине», – и ходил по местам собраний *даймё*, подыскивая работу; тут кто-то из них захотел предложить ему место и спросил об умениях. Тогда Хётаро вывернул свое имя и изменил его на Хэйтаро²⁹, показал бумажку о заслугах отца и получил ответ: «Нет-нет, в наш век ни смелость воина, ни число снесённых голов, ни имя, ни родословная не важны. Умеешь ли ты считать; знаешь ли, как измерить площадь рисового поля; как продать рис; как обращаться с золотом и серебром – если понимаешь, о чём речь, я тебя найму», – и он, словно отец, заявил: «Я труслив, но в расчётах умел», – сказал, и тут же услышал: «Из этого парня выйдет толк. Принимаю тебя», – так он и стал самураем на побегушках. Хоть и был он новеньким, но выбрали его в советники, с утра до ночи он находился при *даймё* и советовал: высчитывал оброк на рис, какой должна выплачивать семья хозяина; измышлял, как вернуть хотя бы половину; придумывал, как собрать налог с хозяйства, где крестьянин продал жену и детей, бросил дом и сбежал в другое княжество, чтобы ежегодный сбор был полностью оплачен и не оказалось недостачи; ещё он думал о способах, как лучше использовать имущество крестьян и иметь выгоду со всего на свете; внимая лишь желанию правителя, без сострадания, не осознавая справедливого Пути, он советовал, как всех обирать – и вассалов, и крестьян. Весь клан остался без гроша, в нищете по самые уши, многие семьи голодали. «Это всё дело рук Хэйтаро», – все жаловалось, но, словно как с мышами в святилище³⁰, ничего не менялось, он был под защитой *даймё*, и мог себя выгородить, все жаловались, да результата не видели. «Если тысяча человек против одного встанет – тот и без болезни сгинет. Подождём, авось всё обойдётся», – затаив дыхание, они кляли Хэйтаро.

²⁹ Герой заменил в своём имени иероглиф 瓢 (*хё* тыква) на 兵 (*хэй* воин), чтобы имя звучало более мужественно. Хэйтаро – «Воинственный муж».

³⁰ Мыши в святилище 社の鼠 – пример того, от чего трудно избавиться.

9. О том, как Хётаро нарвался на ссору и стал ронином

В давние времена, чтобы сдружиться с товарищем по службе, нужно было хорошенько присмотреться к нему, взглядеться в выражение глаз. Бывают люди, у которых на дне сердца – трусость, а на людях они проявляют решимость. Хоть и показывают себя мягкими, а внутри – грубые. Есть люди, что с рождения несуетливы. Почитают честность, задуманное дело не бросают, не меняют своё решение до конца. Словно как у людских лиц нет одинаковых выражений, так и среди сердец нет похожих. Каков человек – таков у него характер с рождения. Вот и шутка может перейти грань и обернуться спором. Если бранные слова покажутся обидными, то породят ссору. В общении с самураем остерегайтесь грубости, проявите вежливость, никогда не лгите, будьте честными и открытыми; чтобы сблизиться, будьте учтивы, искренни и участливы; осмотрительно, но до конца делитесь мыслями, не ссорьтесь. Вот только Хётаро в сердце много мнил из себя и как-то раз грубо пошутил над одним честным самураем. Не зная меры, он так увлёкся, что тот человек разозлился, обнажил свой короткий меч, и тупой стороной несколько раз ударил Хётаро, а тот по натуре, как и отец, был величайшим трусом, поэтому подумал: «Эдак он меня и зарубить может», – как подумал, так ноги его чуть не подкосились, а сам он бросился бежать и больше уже на службе не состоял, вскоре после этого он перебрался за горы, и с тех пор не показывался, бежал в столицу. «Теперь я и не мужчина³¹ вовсе...» – такие мысли его одолевали, он потерял интерес к жизни и решил стать монахом, настоятель остриг ему волосы и нарёк Сэкисюн – Весенняя ночь. А про себя Хётаро подумал: «Это имя отдаёт мирской грязью», – отправился к настоятелю и попросил: «Измените мне имя». Настоятель рек: «Твоё имя берёт свою суть из стихотворения: „Один миг весенней ночи стоит тысячи золотых“³². Сэкисюн значит „Весенняя ночь“. Потому это имя изящно», – когда он так сказал, Хётаро ответил: «Нет-нет, если его прочесть по-китайски, уж очень оно низко звучит, странное прочтение получается». «И как же его следует понимать?» – когда настоятель так спросил, Хётаро ответил: «Сэкисюн читается как Батакасу». «Это ещё почему?» – спросил настоятель, Хётаро так ответил: «Первый знак *бата* „ночь“ читается как в слове Танабата, второй знак *касу* „весна“ – как в слове Касуга. Во всяком случае мне это имя точно не подходит», – и сам нарёк себя Укиё-бо – Монахом зыбкого мира.

Свиток 2

1. О голубятниках

В давние времена Укиё-бо забеспокоился: «Раз уж так вышло, что же мне делать...» – но вскоре придумал себе новое занятие. В ту пору и в столице, и в деревнях бывали люди, которых звали голубятниками: примеряя на себя множество личин, они ни в одном деле не достигали совершенства, но нельзя сказать, чтобы они вовсе ни в чём не разбирались. Подлаживаясь то так, то сяк, они обманывали людей да тем и жили. Их называли голубятниками оттого, что голуби живут рядом с человеческим жильём и заранее знают, будет дождь или ясно: когда голубь преследует голубку, будет дождь, а когда голубка голубя –

³¹ «Не мужчина» значит не воин.

³² 春宵一刻價千金. Строки китайского поэта Су Ши 蘇軾 (1037–1101).

ясно. По голубиному разумению, камышёвка весьма красиво вьёт гнезда: листочки низкорослого бамбука обвивает человеческим волосом, делает заготовку, похожую на кормушку, округлой формы с глубоким дном. Задумав обучиться этому, одна голубка подлетела к камышёвке и стала смотреть, как та вьёт гнездо: продевает снизу узкий срез бамбука или обломок хворостины, сверху помещает заготовку. Да только голубка всего не досмотрела, заметила лишь протётый бамбук и хворостину и подумала, что всё поняла, а когда стала сама делать, в ветку дерева продела четыре-пять обрезов бамбука и хвороста, сверху постелила листы и снесла яйца. А они тут же провалились в зазоры меж ветками и разбились, как их теперь высидеть? Без устного наставления, без учительского слова полагаться лишь на зрение и слух, познавать умения, не проникая к корням, не понимая сути, притворяться всезнающим, – это и есть пример голубиного самомнения. А ещё, когда наступает осень, голубь будто становится соколом, начинает во всём ему подражать – а того, кто вот так временами, от случая к случаю, подстраивается да тем и живёт, жестоко обманывает людей, называют голубятником. «Пожалуй, для начала попробую стать целителем», – так подумал Укиё-бо, снял рясу монаха, надел дорожное *хаори*³³, разложил по карманам пилюли и порошки и отправился в обход по деревьям.

9. О раскаянии

Давным-давно китайский чиновник Сыма Вэнь-гун³⁴ оставил «Записи о шести раскаяниях». Вот о чём там говорится: «Во-первых, если советники, наместники, вассалы впадут в корыстолюбие, будут эгоистичны, своевольны в приказах, пойдут поперёк пути, станут обижать крестьян, то народ начнёт на них жаловаться, и в конце концов они навлекут кару Небес, придёт небывалое несчастье и погубит их, тогда-то они и раскаются. Во-вторых, когда богатые и знатные пускаются в чрезмерные траты, упускают имущество, не понимают, что расходы их чрезмерно велики, тогда они идут против воли Небес и растрачивают впустую земные дары, лишь когда в конец истратятся и разорятся, раскаются. В-третьих, если хвалиться знатностью и богатством, входить в доверие к местным *даймё*, мельтешить перед советниками, наместниками, приказчиками, молить о покровительстве, но не считаться с указами, снисходительно относиться к правителю, то, когда придёт наказание, раскаешься. В-четвертых, если в молодости не будешь посвящать время учёбе, не освоишь самое необходимое, то, заняв важное положение, опозоришься, а, постарев, станешь раскаиваться. В-пятых, если будешь пить много вина, загрязнять сердце, нести чушь, буянить, то, протрезвев, раскаешься. В-шестых, если захвораешь, но не станешь лечиться сразу, только сильнее разболеешься и раскаешься». На основе этого некий Иноуэ Кодзаэмондзё составил «Записи о сожалении», собрал то, что и в древности, и теперь вызывает сожаление, получилось очень трогательно. Там говорится: «Птица, застрявшая в сетке, жалеет, что не может высоко взлететь; рыба, проглотившая удильный крючок, жалеет, что не смогла устоять». Среди всех вещей этого мира есть много таких, в которых обязательно станешь раскаиваться. Вот и Укиё-бо хоть и пожалел о том, что с ним произошло, да только прошлого не вернешь,

³³ Хаори – верхняя накидка наподобие жакета.

³⁴ Сыма Вэнь-гун, 司馬溫公 (1019–1086) – китайский учёный, историк, чиновник.

поэтому он тосковал и вздыхал, но ничего поделать не мог. Как в стихотворении асона Фудзивара-но Киёсукэ³⁵:

Долго будешь жить,
И этот самый миг,
Что вытерпеть нет сил,
Станешь вспоминать
С любовною тоской³⁶.

Укиё-бо вспомнил эти слова и своё прошлое: как мучился, когда заставляли обучаться каллиграфии, как досадовал, когда тратился на азартные игры и куртизанок, – и подумал: «По сравнению с тем, что сейчас, лучше уж бы в те времена...» – и, не находя себе места, сложил:

Из всего, что
Было в жизни,
Жалею лишь о том,
Как беспечно
Утекли дни и месяцы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Асаи Рё:и дзэнсю: канко:кай хэн : [Сообщение издателя полного собрания сочинений Асаи Рёи]. URL: <http://www.iwata-shoin.co.jp/bookdata/ISBN978-4-87294-475-4.htm> (дата обращения: 18.02.2018).

Горегляд В.Н. Дневники и эссе в японской литературе X–XIII вв. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1975. 380 с.

Канадзо:си-сю : [Собрание кана-дзо:си] / пер., ред. и коммент. Таниваки Масатика, Иноуэ Кадзухито, Ока Масахико // Серия Симпэн Нихон котэн бунгаку дзэнсю: : [Новое издание полного собрания сочинений японской классической литературы]. Т. 64. Токио: Сё:гакукан, 2009. С. 85–224.

Мацуда Осаму. Асаи Рё:и // Сэкай дайхякка дзитэн : [Асаи Рёи // Мировая энциклопедия]. URL: <http://japanknowledge.com/psnl/display/?lid=102000093500> (дата обращения: 18.02.2018).

Мацумото Кэн. Канадзо:си-но «моногатари» – «Тикусай» • «Укиё моногатари» рон : [Моногатари среди кана-дзо:си на примере «Тикусай» и «Укиё моногатари»]. Сагамихара: Сэйдзанся, 2012. 228 с.

Найто: Масато. Укиё то укиё-э : [Понятие укиё и гравюра укиё-э]. Токио: Токё:дайгаку сьуппанся, 2017. 210 с.

³⁵ Фудзивара-но Киёсукэ асон (1104–1177) – поэт, автор трактатов о поэзии эпохи Хэйан (794–1185). Асон – аристократический титул эпохи Хэйан для чиновников выше пятого ранга.

³⁶ Из антологии «Сто стихотворений ста поэтов» («Хякунин иссю») № 84: Если век мой продлится, // Я, быть может, и эту пору // Припомню с любовью. // О, дни моих прежних несчастий, // Как по ним я теперь тоскую! (пер. В. С. Сановича) [Сто стихотворений ста поэтов, 1998, с. 244].

Сто стихотворений ста поэтов: Старинный сборник японской поэзии VII–XIII вв. / предисл., пер. со старояп., коммент. В.С. Сановича; под. ред. В.Н. Марковой. – 3-е изд., доп., перераб. М.; СПб.: «Летний сад»; журнал «Нева», 1998. 288 с.

Хасимото Минэо. «Укиё»-но сисо: : [Размышления об «укиё»]. Токио: Коданся, 1975. 196 с.

Эдо дзидай дзиммэй ко 1000 / кансю: Ямамото Хирофуми : [Эпоха Эдо: 1000 биографий / под ред. Ямамото Хирофуми]. Токио: Сёгакукан. 2007. 366 с.

REFERENCES

Asai Ryo:i zenshu: kanko:kai hen [The Publisher's Report on The Complete Works by Asai Ryo:i]. URL: <http://www.iwata-shoin.co.jp/bookdata/ISBN978-4-87294-475-4.htm> (accessed: 18 February 2018). (In Japanese).

Edo jidai jimmei ko 1000. (2007). [1000 famous people of Edo Japan], Yamamoto, Hirofumi (ed.), Tokyo: Shogakukan. (In Japanese).

Goreglyad, V. N. (1975). Dnevnik i esse v yaponskoy literature X-XIII vv. [Diaries and Essays in Japan: 10th – 13th cent.], Moscow: Nauka. (In Russian).

Hashimoto, Mineo. (1975). Ukiyo-no shiso: [The Notion of Ukiyo], Tokyo: Kodansha. (In Japanese).

Kanazo:shi-shu: [The collection of kanazo:shi]. (2009). Taniwaki Masachika, Inoue Kazuhito, Oka Masahiko (ed., trans.), in *Shinpen Nihon Koten Bungaku Zenshu*: [A new edition of the full collection of Japanese classical literature], Vol. 64, Tokyo: Shogakukan. (In Japanese).

Matsuda, Osamu. Asai Ryo:i. *Sekai daihyakka jiten* [Asai Ryo:i. The World Encyclopedia], URL: <http://japanknowledge.com/psnl/display/?lid=102000093500> (accessed: 18 February 2018). (In Japanese).

Matsumoto, Ken. (2012). Kanazo:shi-no monogatari: “Chikusai”, “Ukiyo monogatari” ron [Monogatari amongst kanazo:shi: the discussion of “Chikusai” and “Ukiyo monogatari”], Sagami-hara: Seizansha. (In Japanese).

Naito, Masato. (2017). Ukiyo to ukiyo-e [The ukiyo notion and ukiyo-e], Tokyo: Tokyo daigaku shuppansha. (In Japanese).

Sto stikhotvorenii sta poetov. (1998). [Hyakunin isshu], V.S. Sanovich (trans.), V.N. Markova (ed.), Moscow; St. Petersburg: Letniy sad: Neva. (In Russian).

Поступила в редакцию 31.05.2018

Received 31 May 2018

Для цитирования: Пасивкина С.А. Интерпретация понятия *укиё* в «Повести о зыбком мире» («Укиё моногатари», 1665 г.) писателя Асаи Рёи // Японские исследования. 2019. №1. С. 6–19. DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10001

For citation: Pasivkina S.A. (2019). Interpretatsiya ponyatiya ukiyo v “Povesti o zybkom mire” (“Ukiyo monogatari”, 1665 g.) pisatelya Asai Ryo:i [The interpretation of the notion of ukiyo in “Ukiyo-monogatari” (1665) by Asai Ryo:i], *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 2019, 1: 6–19. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10001